

Рисунок Е. МИГУНОВА
по теме читателя Л. ПТАШНИКОВА

КРОКОДИЛ

№ 11 (1697) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 20 АПРЕЛЯ 1963

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

— Нормально!

«— Ну, как дела! Как жизнь!..
— Нормально!»

Так говорим мы сотни раз.
Но разберемся досконально
Хоть раз в значенье этих фраз.

Нормально, каждому привычно,—
И стало нормою простой
То, что казалось необычной,
Почти несбыточной мечтой.
И то, что ток пошел из Братска,
И то, что скован Енисей,
Нормально, если разобраться
Сегодня в нормах жизни всей.

Нормально все — и свет в Сибири
И города на целине,
Нормально то, что нынче в мире
Мы преграждаем путь войне,
Нормально, что с орбиты дальней,
Где наша звездочка горит,
Нам ту же фразу: «Все нормально!» —
По-русски космос говорит.
И то, что первыми, наверно,
Шагать мы будем по Луне,—
Нормально, и закономерно,
И обоснованно вполне!..

Мы к этим нормам шли упорно.
Еще до Братска, до метро
Для нас рождались эти нормы
В наметках плана ГОЭЛРО.

Был Мир законом жизни признан
В тот первый день и первый час,
Когда Декрет о нем был издан,
Став первой нормою для нас.
И первый космодром виднелся
Уже тогда, в далекой мгле,
Когда фантастика Уэллса
С мечтою встретилась в Кремле.
Уже с тех лет, с тех давних пор мы
Для наших мыслей, душ, сердец
Избрали ленинские нормы
Как идеал и образец!..
В них наша сила и богатство —
Сегодня лишь по ним живут
Свобода, Равенство и Братство,
Людское Счастье, Мир и Труд!..

По этим нормам — ненавистны
Стяжательство, и фальшь, и ложь,
Подобострастье карьеристов,
Бездушие, и спесь вельмож,
И жалкий страх, и труд бесплодный,
И тупость каменных чинуш,
И ложный, пышный, но холодный
Бенгальский блеск непрочных душ!..

Законом жизни нормы эти
Себе мы сделали навек,
Чтобы впервые на планете
Жил человек, как Человек.
Тот, что дорогой триумфальной
С улыбкой скромною идет,
Тот самый, что живет нормально,—
По нормам ленинским живет!..

Эгоист

Куры шарахались из-под ног разгневанного бригадира Загребишева. Бригадир не шел по деревне, а летел. Время от времени он, потрясая кулаком, восклицал:

— Ну, держись, Кузякин! Душу вытрясу! Я тебе покажу, как свой огород пахать! Да еще в горячую пору!..

Вот и кузякинская усадьба. Хозяин разворачивал трактор у курятника, допахивая последний клочок приусадебного участка.

Путаясь в полах рыжего плаща, бригадир догнал трактор.

Выключив мотор, Кузякин с невинным видом спросил:

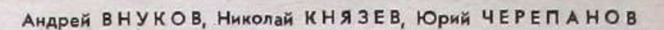
— Чего шумишь, Демьяныч?

— А то, что ты, эгоист несчастный, меня под монастырь подводишь! Частный собственник! Тебе где сказано с утра пахать? Своя рубашка ближе к телу, да?! У председателя на усадьбе, вот где!

В. ВЕНЦОВ

ДУЭЛЬ

Рисунок А. ГОЛУБЕВА

Андрей ВНУКОВ, Николай КНЯЗЕВ, Юрий ЧЕРЕПАНОВ

ВОТ ПАРАДНЫЙ ПОДЪЕЗД

ПРОЛОГ

Хоть в небесах мы пробыли недолго,
На землю снизойти был каждый рад.
Мы приземлились...
Перед нами — Волга,
А перед Волгой — город Волгоград.
Здесь памятники высятся сурово,
Не город, а история сама,
И потому все остальное ново:
Проспекты, скверы, площади, дома...
На Волжской ГЭС, на пульте управленья,
Мы видели воочью новый век:
Симфонию труда и вдохновенья
Играл на кнопках пульта человек.

Что человек? Тут даже осетрина
Должна уметь на кнопку надавить:
Чтоб осетрам дала проход плотина,
Они должны *подводный лифт* открыть.
Но мы о рыбе продолжать не будем,
Придет пора — она покажет прыть.
Нас по привычке потянуло к людям:
Ведь с рыбою нельзя поговорить.

НАМ ДАЛИ АДРЕС

Хотя с корреспондентом Крокодила
Иной почти по-рыбьи говорит,
В уме припоминая все, что было,
Чем мог быть вызван дружеский визит,—
Но Волжскому горкому комсомола
Молчать по-рыбьи не было причин:
— Вам общежитья? Для какого пола?
Для женщин или просто для мужчин?

Нам дали адрес. Он для нас был новым,
Но знали мы, что кроется за ним,
Что будет общежитье образцовым
И даже образцово-показным,
Что будет будка с форменным вахтером
(А вдруг мы стащим часть инвентаря?),
На жителя — по коврику с узором,
По тумбочке, по «Три богатыря»...

Мы не ошиблись, в общем, так и было,
Но вот жилец, досады не тая,
Нам доложил, что внешне все тут мило,
Но в этом общежитье нет житья.
Мы тотчас же решили разобраться,
Но парень поспешил до-доложить,
Что нет житья от разных делегаций:
Здесь учатся тому, как надо жить.

Нам стало ясно, что за адресами
Не стоит заходить в горком опять;
Мы разыскали общежитья сами:
Не показные — просто, так сказать...

С ЧЕРНОГО ХОДА

В квартале «А», где общежитья просто,
В субботу развлекались как могли:
В мужском соображали *парни «по сто»*,
А в женском стирку девушки вели,
Таз на тазу, корыто на корыте,
И валит пар из комнат в коридор,
А в комнатах — подите, посидите —
Хоть вешай шкаф, не только что топор.
Здесь нет титанов, воду кипятящих.
Где постирать, где высушить белье?
Висят штаны, бьют по носу входящих —
Таким путем идет житье-мытье.

— Кто последний?

А тут живут строители, монтеры,
Врачи, прорабы, техники живут.
Им на работе умные приборы
И механизмы облегчают труд.
А дома, в общежитье, сняв одежду,
В простом тазу, и в комнате притом,
Стирает врач противоречья
между
Физическим и умственным трудом!

А вечером? Развлечься трудновато —
Не предусмотрен красный уголок,—
Пьют, сидя по своим углам, ребята.
Что делать? Не плевать же в потолок.
— Где воспитатель?
Нам в ответ:
— Бог знает...
— А как зовут?
В ответ нам:
— Знает бог...
А так как в Волжском бог не пребывает,
То смертным неизвестен педагог...

Для горкомхоза это не событье —
Привыкнув тихо жить да не тужить;
Считает он, что это «ВОБЩЕМЖИТЬЕ»,
Что в общежитьях можно, в общем, жить.
Быть может, «в общем» это так и надо...
Гораздо больше этот самый быт
Забыт в иных районах Волгограда,
В Красноармейском, в частности, забыт.

Устроился.

ДАЛЬШЕ ЕХАТЬ НЕКУДА

Такие общежитья встретишь редко,
Какие в тресте «Главэлектрострой»:
На двести человек — одна розетка,
Хоть что-то строй, хоть в очереди стой.

Забыты общежитья в этом тресте,
Здесь комнаты не делят по полам:
Живет семья и холостые вместе
С грехом, как говорится, пополам.

Оставлено жилье на божью милость:
Сквозь трещины эфир струит зефир.
Постельное белье почти что смылось,
Но коменданту мало:
— Мой до дыр!

Жильцам на кухне места не хватает,
А до столовой — целый час езды;
И вечера для отдыха съедает
Процесс приготовления еды...

ЭПИЛОГ

Мы восхищались новым Волгоградом,
Но в общежитьях, честно говоря,
Давнишний быт бытует с новым рядом,
И с ним пока не борются...
А зря!

Волгоград—Волжский—Москва.

— Для занятий у нас всегда найдется место.

Случай, когда победителю достаются не розы, а розетки...

БАЙ НА «ВОЛГЕ»

В совхозе был праздник. Совхоз перевыполнил план. Местный учитель подсчитал, что если волокна хлопка, выращенного на совхозных полях, вытянуть в одну линию, она опояшет землю вокруг экватора 108 раз, а если из этого хлопка сделать халаты, то в них можно облачить весь взрослый контингент Сурхан-Дарьинской области.

В воздухе носился аромат премий. Приятный, ласкающий обоняние. Души членов коллектива ликовали, как Аму-Дарья в ясный, солнечный день. Блеяли, предчувствуя свою печальную судьбу, бараны. Во многих домах мыли котлы, начищали до блеска шампуры, а товаропроводящая сеть заранее подсчитывала прибыли от реализации веселящих напитков.

И вот настал долгожданный день. Собрание открыл сам директор. Когда он под гром аплодисментов поднялся на трибуну, его поза была величественна.

— Вот она, премия,— сказал он, потрясая в воздухе платежным документом,— три с половиной тысячи! Деньги, заработанные нашими героическими руками, нашим упорным трудом!

Директор не чурался пафоса.

— Куда же мы истратим эти деньги, друзья? — ласково спросил директор.— Каково будет мнение коллектива?

— Я думаю,— мудро заметил чабан, которому было столько лет, сколько светил в Млечном пути,—что на эти деньги нам нужно построить баню.

— Баня — это хорошо,— согласился директор.— Баня — это культура. Какие будут еще суждения?

— А не бросить ли нам эти деньги на ясли? — радостно предложил другой обладатель почтенной чалмы.

— Правильно,— одобрил директор.— Дети — это цветы нашей жизни. Ну, кому еще охота говорить?

Были и другие предложения, которые директор выслушал столь же доброжелательно.

— А теперь слушайте меня! — произнес он.— То, что вы сказали, очень мудро. Но у меня есть предложение более мудрое. Давайте купим на эти деньги «Волгу» и подарим ее самому достойному аксакалу. Человеку, которого мы все уважаем и любим.

— Кому? — наивно спросили из зала.

— Хурраму Ташмирову,— ответил директор.— Кто против?

Все были «за». Никто не возражал. Ибо Хуррам Ташмиров и председательствующий на этом собрании — одно и то же лицо. Директор сунул толстую пачку денег в карман.

Через неделю Хуррам Ташмиров свято выполнил волю коллектива — купил машину.

Мне было бы приятно сообщить читателю, что вышеизложенное — всего-навсего сатирическая шутка, этакая вольность пера.

Увы, дорогой читатель, не шутка! К сожалению, это реальные факты, почерпнутые автором из конкретной действительности Сурхан-Дарьинской области. Именно такой случай произошел в совхозе «Сурхан», руководство которым осуществляет Хуррам Ташмиров.

Конечно, сам по себе нагловатый поступок директора не заслуживает больше трех строк уголовной хроники. Нет, не сам Хуррам Ташмиров нас интересует.

Нас заботит другое. Ведь на вышеописанном собрании присутствовали не темные люди, не ведающие что к чему. Присутствовали вполне грамотные товарищи: комбайнеры, агрономы, счетоводы.

Присутствовали члены партии.

Присутствовали и молчали. И застенчиво отворачивались, когда жуликоватый директор залезал в их карман. Никто из ста коммунистов не захотел «связываться» с директором, «портить себе нервы». Так оно спокойнее!

Да, Ташмиров, конечно, не принадлежал к числу руководителей, с которыми приятно схватиться на принципиальной основе. Этого про него не скажешь. Он признавал только ту критику, которая была направлена против других. Он правил хозяйством, руководствуясь принципом: «Совхоз — это я». Он был этаким мелким кустарным эмиром.

Но автор берет на себя смелость утверждать, что возвеличили его сами же подчиненные! Не сразу. Постепенно. Один нахальный поступок — никто не захотел связываться, другой — и все начали отводить глаза.

Как-то шофер Х. Баймурадов отсутствовал на работе два дня. Нет, не потому, чтобы он опохмелялся после тоя. Причина была уважительной: Баймурадов выступал на суде в райцентре в качестве свидетеля, о чем представил справку.

Однако Ташмиров уволил шофера — и не восстановил на работе по сей день вопреки решению суда, членов которого он публично оскорбил при разборе дела. И ничего. Сошло благополучно.

И Ташмиров твердо уверовал, что он не такой, как все. Он особенный. Меченый аллахом. Ему все можно. Он уже ощутил в себе бурление особой, благородной крови.

Как-то Ташмиров поехал в Душанбе. Во время его отсутствия назначили бригадиром энергичную работницу Ташкулатову.

Вернувшись из командировки, директор созвал всех бригадиров. Пришла и Ташкулатова.

— Разве мы собрались здесь, чтобы варить плов или стирать белье? — спросил он.— Почему здесь женщина?

— Это новый бригадир.

— Очень хорошо,— обрадовался директор,— тогда пусть после ухода мужчин подметет полы и наведет порядок. А сейчас не мешай нам.

И директор вытурил Ташкулатову с совещания. Вытурил с применением кулаков.

В общем, поступок, как видите, не очень привлекательный. Этакая смесь самодурства, заскорузлого феодального хамства и вполне современного хулиганства! Поступок, о котором прямо-таки рыдают пятнадцать суток! Но директор не получил ни 15, ни 10. Вообще ничего не получил. И что самое любопытное, никто не собирался его карать. Никто не захотел «связываться».

Слухи о мошеннической проделке директора с «Волгой» доползли, хоть и с опозданием, до Джар-Курганского райкома партии. Дальше было все, что полагается в таких случаях: комиссия, заседание бюро, оргвыводы. Но какие?

Директору очень мягко, стараясь не обидеть его достоинства, внушили, что красть нехорошо, что крадут только скверные дяди, бяки. Деньги он взял чужие. А все, что чужое,— это не свое! А что не свое — это чужое. Словом, директору преподали урок общепринятой морали.

Директор между тем не был так глуп, как это показалось товарищам из райкома. Он смекнул, что машину придется продать. Иначе нельзя. Машина не иголка, не спрячешь. А возвращать деньги совсем не обязательно.

— Что тебе важней: дружба с директором или эти жалкие, презренные деньги? — вопрошал Ташмиров одного из тех, кому он должен был вернуть долг. И как только собеседник выбирал дружбу, директор совал ему ведомость: подпиши — деньги возвращены.

Но нашлись в совхозе трое черствых людей, которые предпочли директорской дружбе заслуженные ими деньги. Я имею в виду начальника первого отделения И. Туранова, бригадира этого же отделения М. Курбанова и рабочего Э. Амантурдыева.

О аллах! Какой опрометчивый поступок совершили эти люди! Не успела за ними захлопнуться дверь директорского кабинета, а уже печатался приказ об их увольнении. Когда же один из храброй тройки — инвалид Туранов — зашел к директору с протестом, тот опять же пустил в ход свой любимый аргумент — кулаки.

И снова промолчали коммунисты.

Молчали члены профсоюза. Молчали члены ДОСААФа. Молчали члены Красного Креста и Красного Полумесяца.

Никто не оборвал зарвавшегося наместника аллаха!

Ах, эти наместники! Они очень зловредны, несмотря на свой бутафорский вид. Они свирепо таращат глаза в гневе и очень любят топать ногами. Это кажется им самым убедительным доводом. Они верят, что имеют право попирать наши законы и плевать со своего воображаемого трона на наши этические нормы. Они толкаются среди нас, наступая нам на ноги,— и не думают даже извиниться. И это часто сходит им с рук. Потому что есть такая удобненькая, как кресло-качалка, философия, которая зиждется на сомнительной мудрости: «За моим дувалом ничего не видно». Последователи этого принципа, завидев самодура, торопятся укрыться за этим самым дувалом.

Я не случайно заговорил об этой позиции. Она не очень-то украшает человека. Она не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Ведь именно эта философия создает тот самый микроклимат, в котором особенно буйно произрастают самодуры всех мастей и оттенков.

В. ТИТОВ,
специальный корреспондент Крокодила.

Таджикская ССР.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Пересекши иные границы, не переходи границу в интервью.

Вспоминая в своих мемуарах о прошлом, не забывай о настоящем и будущем!

Л. МИТНИЦКИЙ

Дальтоника принимали за пессимиста: он все видел в черном свете.

Из всех элементов творчества этому писателю по-настоящему удавались только творческие раздумья.

Вал. ДЖАЛАГОНИЯ

г. Баку.

Мало, когда слово сверкает, как алмаз. Оно должно быть таким же долговечным.

О снабженце пошивочной мастерской говорили уважительно: «Этот пуговицы с мясом вырвет!»

Ритмично в клубе работала лишь школа танцев.

Маникюрша хвасталась, что знает всю подноготную своих клиенток.

Гвоздь — всегда свой в доску.

Браконьер, подстреливший лося, объяснял это тем, что лось бежал рысью.

Писал картины гудроном, утверждая, что тем самым прокладывает новые дороги в искусстве.

Т. КОНСТАНТИНОВ

ВЗЯЛ ПОД КРЫЛЫШКО

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Не хватило бы патронов

Американец Лоуренс Вильсон — остряк-одиночка. Он сам себе автор, редактор, издатель и курьер. Выпускаемый им журнал называется достаточно громко — «Международный сатирик». Жанр, в котором мистер Вильсон пробует свои силы, довольно прост: это факты с комментариями. Судя по комментариям, Лоуренс Вильсон — человек законопослушный, потрясать государственные основы Соединенных Штатов он не собирается. «Забавлять, а не ранить» — такой эпиграф он предусмотрительно вынес на обложку своего журнала.

И тем не менее, несмотря на всю свою благонамеренность и осторожность, Вильямс нет-нет да и вонзит шпильку в одно из многочисленных больных мест американской общественной системы.

Вот одна из его шпилек.

> LONDON, ENGLAND (Reuters news despatch.) "The death penalty was introduced last year in the Soviet Union for bribery, currency speculation or misappropriation of state property." If such a law were placed on our statute books, we would require ten extra bullet-manufacturing plants.

«Лондон. Англия. Агентство Рейтер сообщает: «В прошлом году в Советском Союзе была введена смертная казнь за взяточничество, валютные спекуляции и расхищение государственной собственности». Если бы такой закон,— комментирует мистер Лоуренс Вильсон,— был введен у нас, нам бы потребовалось десять дополнительных патронных заводов».

Очевидно, имеющееся на складах Пентагона количество боеприпасов представляется Вильсону явно недостаточным для того, чтобы избавить Америку от засилья мошенников всех сортов. И он прав, ибо в обществе, на знаменах которого начертано: «Не обманешь — не продашь! Нажива прежде всего!» — жулики не исключение, а опора режима.

ОПАСНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Письмо жителя штата Каролина Джеймса Мрак О'Беса в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности

Уважаемые господа! Конечно, дело не наше, но больно смотреть, как люди, получающие жалованье от конгресса, спокойно проходят мимо подрывной деятельности некоторых прокоммунистически настроенных элементов.

Эти горестные размышления возникли у нас в связи со следующими фактами: некая американская компания (если дело на то пойдет, мы назовем имена) закупила в Демократической Республике Вьетнам партию обезьян якобы для зоопарка. Просим обратить внимание: покупка была произведена в стране, которую США не признают и с которой у федерального правительства нет никаких официальных связей.

Подрывная деятельность зашла так далеко, что хвостатые были даже подвезены к границам США. К счастью, уже в последний момент попытка перебросить через границу антиамерикански настроенных обезьян была предотвращена.

— Вы кто? Обезьяны из Северного Вьетнама? — спросил начальник таможенной стражи у крупного самца.

Вместо ответа самец самым подрывным образом почесал левой задней ногой за ухом, а передней поскреб грудь.

— В конце концов,— сказал страж,— сами коммунисты утверждают, что мы все произошли от обезьян, и я и вы. А что может произойти от обезьяны в дальнейшем — это сам господь бог не знает. Не будем же искушать провидение!

Принципиальная позиция начальника стражи привела к тому, что маршрут диверсионной группы был изменен. Хвостатых злодеев, покушавшихся на американский образ жизни, повезли в Канаду, где и доставили в зоопарк города Виннипега.

Там, воспользовавшись преступной халатностью служителей, одна из обезьян произвела на свет младенца. И тут американские иммиграционные власти, потеряв всякую бдительность, постановили: «Хотя родители обезьянки — красные, но сама она, родившись на территории Канады, должна почитаться добропорядочной уроженкой Канады и как таковая может быть впущена в США».

Джентльмены! Я, как примерный налогоплательщик и член «Американского легиона», считаю недопустимым подобный либерализм, проявленный иммиграционными властями. Опасная обезьяна должна быть выдворена в 24 часа из пределов нашего свободного демократического отечества.

Искренне Ваш Джеймс Мрак О'Бес.

Копию снял Сергей ЗВАНЦЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Признаться, поначалу мы подумали, что история с обезьянами — плод больной фантазии мистера Мрак О'Беса. Однако, когда мы прочитали во французском еженедельнике «Трибюн де насьон» достоверную информацию о злоключениях обезьян, импортированных из Вьетнама в США, мы убедились, что Мрак О'Бес смешон в своих страхах, но точен в фактах.

КОРИЧНЕВЫЙ ГИПС

МЮНХЕН. Стойку «Старонемецкой закусочной» в центре города украшает гипсовый бюстик Адольфа Гитлера. Любители осаждают хозяина предложениями продать бюстик, предлагая за него до 15 тысяч марок.

Однако хозяин закусочной не намерен расставаться с милым его сердцу изваянием. Он твердо и не без основания уверен, что Гитлер в Западной Германии все больше и больше входит в моду.

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ СПОР

СТОКГОЛЬМ. В Швеции, где женщина может стать священником и даже епископом, разгорелся горячий спор, имеет ли женщина право выполнять обязанности духовного наставника, если она хороша собой.

Большинство газет считает, что хорошенькая пасторша хотя и может привлечь мужчин в церковь, но поведет их при этом не столько по узкой стезе добродетели, сколько в обратную сторону.

ВСЕ ДЛЯ ИЗБИРАТЕЛЯ

ЛОНДОН. Консервативная партия Великобритании намерена выставить на выборах в палату общин от округа Норт-Паддингтон кандидатуру известного комика Эдвардса.

Сам Эдвардс доверительно сообщил репортерам, что консерваторы в случае нужды охотно выставили бы даже кандидатуру шимпанзе, поскольку больше ничем привлечь избирателей они не могут.

430 ВИТКОВ СТИРКОНАВТА

МЕМФИС (США). Девятнадцатилетний студент Девид Олив, побившись об заклад с приятелями, влез в стиральную машину, которую нажатием кнопки пустили в ход. Машина сделала 430 оборотов, и Олив, выиграв таким образом пари, получил титул «Стирконавта».

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР «СЛУГ НАРОДА»

ПАРИЖ. Барон Эдмон де Ротшильд, один из богатейших людей Франции, устроил для избранных гостей четырехдневный прием в своем замке Мон д'Арбуа, именуемом также «отелем миллиардеров». Гостей, среди которых были члены семьи Рокфеллеров, принц монакский Ренье, французский премьер-министр Жорж Помпиду, доставили специальными личными самолетами Ротшильда. Драгоценности приглашенных дам были застрахованы на сумму в сто миллионов новых франков. Наиболее остроумным гостем был признан Помпиду. Он вызвал взрыв хохота, подняв тост за «свободу, равенство и братство».

ЧТО ПОДУМАЮТ ЛЮДИ!

ПАРИЖ. Ливийский шейх Бен Токук Сенуси, будучи в Париже, посетил благотворительный концерт. Пышная борода шейха привлекала внимание публики и журналистов. Каково же было возмущение Бен Токука, когда вскоре после концерта он увидел свой портрет, опубликованный в западногерманском еженедельнике с такой подписью: «Среди присутствовавшей на концерте публики находился и известный художник-абстракционист». Рассвирепевший шейх подал жалобу в суд и потребовал от журнала возмещения за моральный ущерб в сумме полмиллиона франков. Свою жалобу он мотивировал так: «Я духовный глава тысяч верующих, а меня называют каким-то абстракционистом. Что подумают обо мне люди!»

ДРУГ ДЕТСТВА

Все началось с газеты. С вечерней московской газеты, каким-то чудом очутившейся в магазине далекого городка, в котором жил Петр Васильевич.

Утром, как обычно, Петр Васильевич зашел за папиросами и тут, прямо на прилавке, обнаружил столичную гостью. Это была далеко не новая газета, но поскольку вести в городок всегда приходили с большим опозданием, Петр Васильевич незамедлительно углубился в чтение. Читать газеты он любил.

Он просмотрел объявления о разводах, о новых кинокартинах и театральных постановках, осуждающе почмокал языком, дойдя до тем готовящихся к защите диссертаций, изучил спортивную информацию («Отлично! Опять победил «Спартак»!») и хотел было отложить газету в сторону, как...

Очевидцы утверждают, что именно с этого момента Петр Васильевич навсегда потерял покой. Поперек газетной страницы огромными буквами тянулся заголовок «Новый почин работников московского универмага. Берите пример с С. Д. Калинкина!»

«Это какого же Калинкина?— радостно ужаснулся Петр Васильевич.— Уж не Сереги ли? Ну, конечно, его отчество — Данилыч. Господи, приятность-то какая! Серега, которого мы в школе калинкой - малинкой дразнили, за вихры таскали... А! Наш Серёга — и вдруг в самой столице!. Заведует секцией бытовых приборов крупнейшего универмага! А?»

Через минуту новость о том, что Петр Васильевич спустя двадцать лет неожиданно отыскал друга, стала известна всему магазину, через пять минут — всему городу, через пять дней— горисполкому, в котором трудился наш герой. Прошла неделя — и Петр Васильевич начал укладывать чемоданы.

Он ехал в Москву, к другу детства.

Столица встретила Петра Васильевича перронной сутолокой, последним морозцем и обилием мороженого. Десятки сортов ледяного деликатеса громоздились на лотках у вконец простуженных продавцов. Поеживаясь и приплясывая, продавцы заглядывали приезжим в глаза, умоляя не подрывать финансовый план лучшего в стране хладокомбината. Но Петру Васильевичу было не до мороза, не до финансового плана и соблюдения порядка на стоянке такси. Он растолкал очередь, нырнул в машину и помчался в универмаг.

В секции бытовых приборов толпился народ. Петр Васильевич схватил за рукав первого подвернувшегося продавца и с такой радостной уверенностью завопил: «Заведующего мне!»— что ему сразу же вынесли жалобную книгу.

— Зачем мне жалобная?— продолжал на высоких нотах приезжий.— Заведующего давайте... Который у вас тут почин поднял. А? Товарищ он мой. Старинный. С детства! Понимаете?

Продавцы понимали, но ничем помочь не могли.

— Болен наш заведующий. Да, тяжело. Да, сердце. А вы поезжайте к нему домой. Для больного встретить старого друга — лучшее лекарство. Право, не стесняйтесь!..

Первый этаж... третий... пятый. Вот и квартира, где живет его друг. Петр Васильевич нажал кнопку звонка и только потом заметил приколотую записку: «Ушла на базар. Скоро приду».

Петру Васильевичу ждать было некогда, и он позвонил в квартиру рядом.

— Сергея Данилыча? — Из дверн выглянула соседка.— Эх, батенька... В больнице он. Вторую неделю. Что вы! Ужасные строгости. Пускают по воскресеньям, и то одного человека. Подождите, батенька мой, лучше супругу. Где больница?..

Соседка растолковала, как ехать, и Петр Васильевич заторопился к лифту.

День в больнице был действительно неприемным. Петру Васильевичу не открыли даже дверь.

— И не пытайтесь, гражданин. Приходите, когда положено. Да не кричите вы, здесь медицинское учреждение...

Но Петр Васильевич не сдавался. Из больницы он помчался в Моссовет, затем в редакцию журнала «Здоровье» и, наконец, в Министерство здравоохранения. Он убеждал, ругался и умолял.

— Дорогие мои, хорошие, помогите пробиться к другу! Хоть на минутку. Столько лет прошло! Бросьте вы эту бюрократию! Подойдите по-человечески. А?

Люди не камни. И Петр Васильевич получил разрешение пройти в палату, но... на другой день. Сегодня было уже поздно.

Что же, скажет читатель, оставим нашего героя до завтра. Но вы просто не знаете Петра Васильевича! Он не привык останавливаться на полпути. Друг его детства Серега где-то здесь рядом, а он...

Петр Васильевич снова поехал в больничный городок. Разузнал, на каком этаже лежит Калинкин, примерился... Деревья до окна не доставали, а водосточная труба была явно в веселом предремонтном состоянии. И Петр Васильевич принял единственно правильное решение — начать переговоры со старушкой, дежурившей у входа. Он говорил долго, и его слушательница все время согласно кивала головой.

— Вот бюрократы! К другу не пускают. Эх-ма, до чего дошло! Черствые люди, а вот в наше время...

Через несколько минут старушка совсем размякла, провела его черным ходом на третий этаж и показала дверь палаты.

— Только на одну минутку. И тише. Ненароком дежурный врач...

Но в ушах Петра Васильевича уже свистел ветер. Он несся по коридору, словно владелец лотерейного билета, предположивший, что выиграл «Москвича». Табуретки и фикусы летели в стороны, как щепки.

Рванул дверь, плюхнулся на стул и прерывающимся, но ликующим голосом зашептал:

— Серега! Посмотри сюда! Узнаешь старого приятеля Петьку? А? Еле прорвался. И только на минутку. У меня к тебе важное дело. Специально приехал. Будь другом, помоги достать холодильник. А? Я понимаю, в один день покупки не оформишь. Поэтому сразу с поезда и к тебе. Сделаешь? Ну, что тебе стоит? Ты же заведуешь секцией...

Больной медленно повернулся к гостю, и Петр Васильевич увидел перед собой совсем молодого человека.

А с соседней кровати на Петра Васильевича с грустью смотрели знакомые с детства глаза.

Обратный путь по лестнице Петр Васильевич проделал без помощи собственных рук и ног. Прибежавшие на шум дежурный врач и санитары, вероятно, помогли развить другу детства приличную начальную скорость. Петр Васильевич пролетел несколько поворотов, шлепнулся и зло проворчал:

— Вот так всегда. Как станут начальниками, сразу зазнаются! Друга детства не мог выручить. Бездушный он человек! Трудно было записку о холодильнике написать, что ли?

Б. СУХАРЕВСКИЙ
РАССКАЗ

СКРОМНЫЙ РЕДАКТОР

Она скромно поправила скромную прическу и одернула скромную кофточку.

— Давайте говорить начистоту.

Мы лихорадочно закивали. Мы очень хотели поговорить начистоту.

— Я не беру на себя многого. Художественное произведение — вещь деликатная, и судить о нем нужно осторожно. Но, дорогие мои, уж в чем я не могу себе отказать — это в чувстве юмора. Это мне дано, понимаете? И мне не смешно. Понимаете, я читаю, а мне не смешно.

Мы не могли к этому не прислушаться: ведь разговор был начистоту. Мы пришли домой, вычеркнули из сценария все эпизоды, которые когда-то так нравились нам самим и нашим знакомым, и тяжко задумались.

— Может, кто-нибудь упадет с пятого этажа в корыто, а? — робко предложил мой соавтор.— Это смешно.

— Лучше бы в умывальник...— предложил я.

— Можно и в умывальник,— грустно согласился мой соавтор.

Через неделю мы снова были у нее в кабинете.

— Начистоту? — спросила она.

— Начистоту,— с готовностью согласились мы.

— Я не берусь судить, комедия это или нет. Это вещь тонкая. Но в одном я, простите, разбираюсь — в языке персонажей. Понимаете, это я как-то чувствую. А ваших персонажей не чувствую. Даже не помню, как их зовут. Все время, знаете, приходится возвращаться к первой странице. Вы меня понимаете?

Мы ее поняли. Вечером мы работали над языком наших персонажей.

— Хорошее выражение «ядрена кошка»,— с виноватым видом произнес мой соавтор.— Пусть Павел все время его повторяет.

— Но он же культурный человек!

— Неважно. Зато колоритно. Сразу человека узнать можно. А культурность тоже, знаешь ли, полагается подчеркивать.

В уста другого нашего персонажа, Виктора, мы вложили фразу «В аспекте моих интеллектуальных эманаций». Виктор сразу стал разительно отличаться от Павла.

Радостные, мы пришли к ней через неделю. Она подняла на нас ясный взгляд, спрашивавший: «Начистоту?» Мы восторженно кивнули. Она скромно заявила, что диалоги героев — вещь индивидуальная, и вмешиваться было бы смешно, тем более что в диалогах она вовсе не чувствует себя специалистом. Переделывать нужно драматургию.

Мы переписали сценарий заново и пришли к ней. На этот раз оказалось, что она ничего не смыслит в драматургии, зато очень точно чувствует идейную направленность...

Наши путешествия стали напоминать идеальную замкнутую орбиту. Мы уходили и возвращались, уходили и возвращались. Во время шестого или седьмого визита нам предложили заменить:

Карпа на Сидора,
кукушку на ястреба,
серка на волка и
шило на мыло.

Впрочем, в последний момент она передумала, и мы заменили шило на швайку.

Когда мы пришли к ней в десятый раз, то мы уже смутно помнили, о чем собирались написать сценарий. Именно к этому моменту он начал ей нравиться. Однако, не имея морального права давать рекомендации по всей вещи в целом, она интуитивно чувствовала, что нужно заменить название.

— О чем он, ваш сценарий? — ласково спросила она.

— Как вам сказать...— покраснел мой соавтор.— Мы хотели написать о хороших людях. О том, что такие люди обязательно должны быть счастливы.

— Ну вот. А откуда это видно? Не будете же вы выходить перед каждым сеансом и объяснять, что вы хотели сказать.

Целый вечер мой соавтор сидел мрачнее тучи. В час ночи он встал, перечеркнул название и сверху написал: «ХОРОШИЕ ЛЮДИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫ». Подумал и добавил: «ОБЯЗАТЕЛЬНО».

На этот раз она встретила нас сияя.

— Великолепный сценарий! — пропела она.— Поздравляю. Только...— она замялась.— Вы не подумали, зачем он вообще?

— То есть? — поперхнулись мы.

— Это трудно объяснить...— задумчиво произнесла она.— Посудите сами: какие-то люди падают с пятого этажа в корыто...

— В умывальник, — подсказал мой соавтор.

— Тем более. Изъясняются какими-то странными словечками. Кошка, кошка... Какая у вас там кошка?

— Ядрена...— пролепетал мой соавтор.

— Вот видите! Потом какой-то непонятный Сидор со своей швайкой...

— В первом варианте был Карп и без швайки,— нахмурился мой соавтор.

— Это не меняет дела. И, наконец, какое ужасное название! Нет, вы поймите правильно, я многого на себя не беру...

Лицо моего соавтора за одну секунду из розового стало белым, затем фиолетовым. Примерно такие оттенки наблюдаются при закалке металлов. Когда метаморфозы окончились, он встал и стальным голосом произнес:

— Скажите, а что вы наконец можете взять на себя?

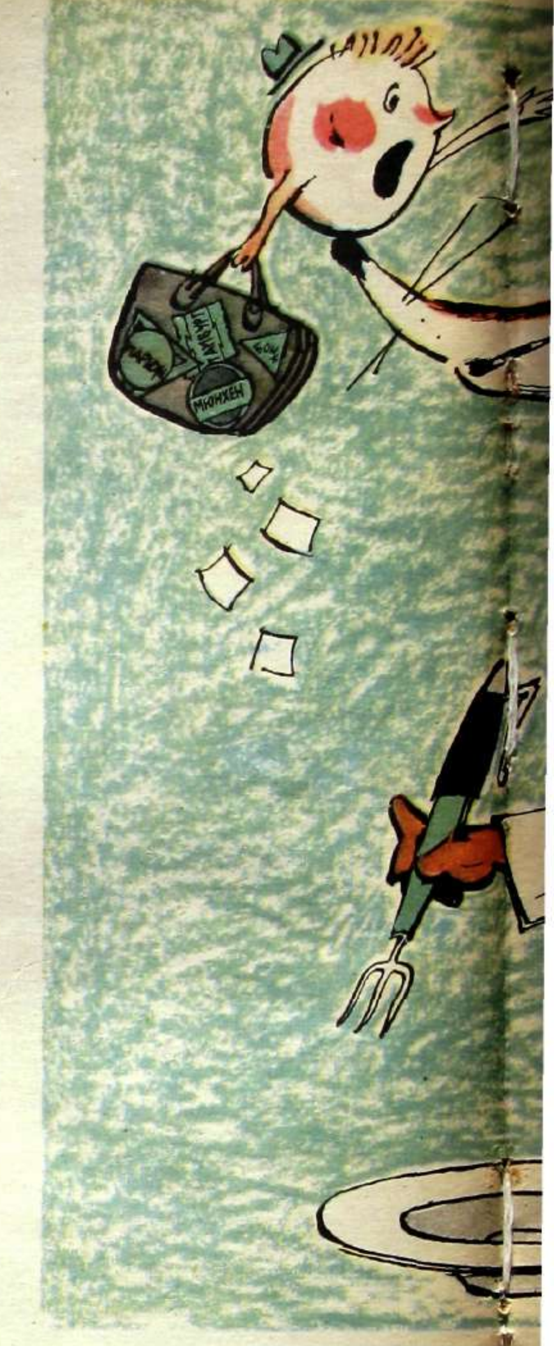
— Что-что? — робко переспросила она.

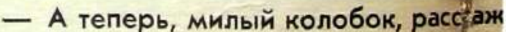
— Что вы можете взять на себя? — повторил мой соавтор голосом сверхвысокой прочности.

— Ну, знаете... Я скромный редактор. Вы вообще могли и не прислушиваться к моим советам, тем более, что мы говорили начистоту...

Она поправила прическу, одернула кофточку и добавила совсем тихо, мягко:

— Единственное, что мне дано, — это запустить или не запустить ваш сценарий в производство.

— А теперь, милый колобок, расскаж

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР.

Чего не увидишь у нас

Петров из поездки туристской
В Тюмень возвратился вчера.
Своим сослуживцам и близким
Рассказывал он до утра,
Как выглядит порт генуэзский,
Почем в Ливерпуле овес,
Что вынес из этой поездки
И что из поездки привез.
— Гулял я над Темзой-рекою,
Бродил по Монмартру не раз,
Но главное — видел такое,
Чего не увидишь у нас!
Тут гости придвинулись ближе,
Супруга нахмурила бровь:
Чего, мол, такое в Париже
Увидел товарищ Петров?
Супруг закурил папироску:
— Ну ладно — открою секрет:
Я в Лондоне видел «Березку»,
В Париже — московский балет.

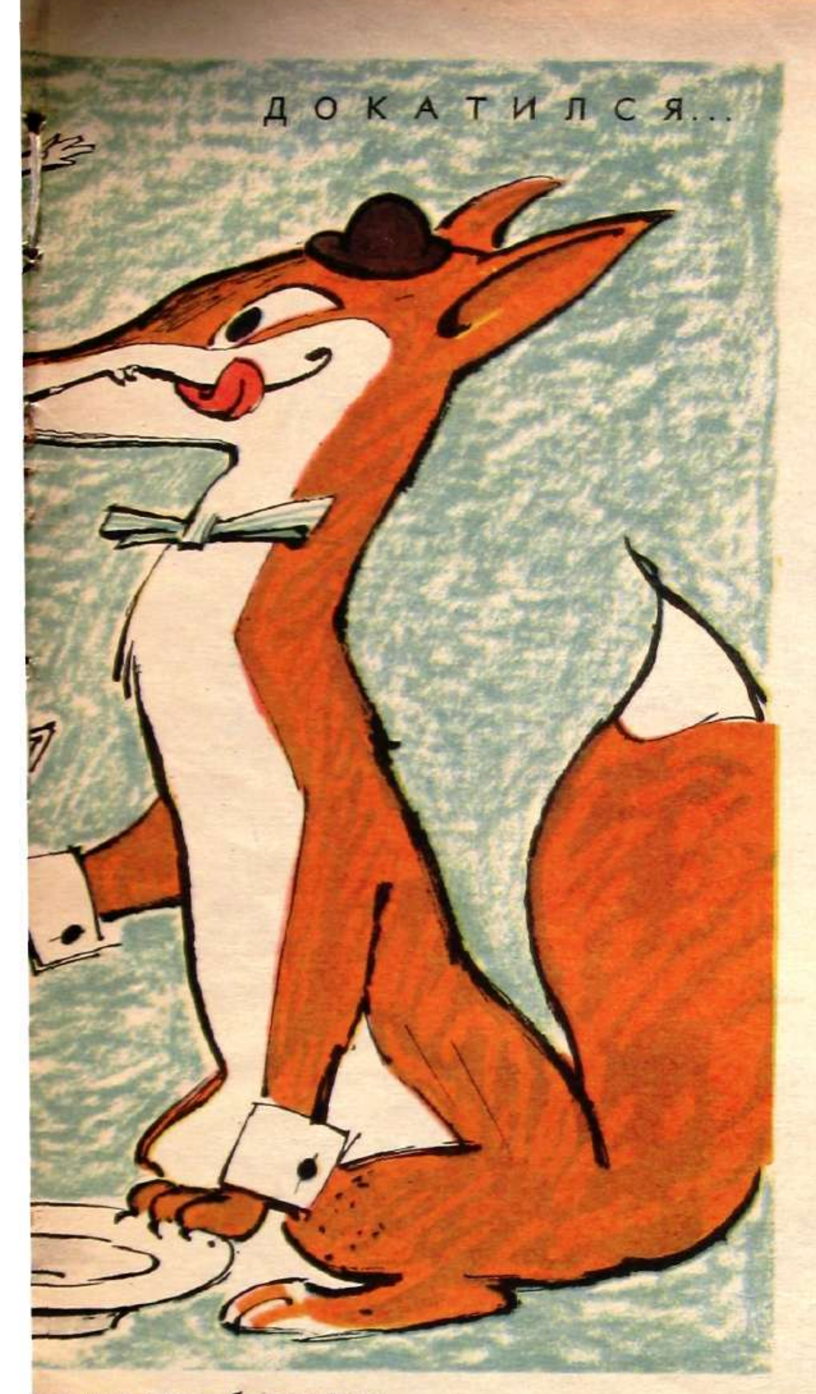
И я никогда не забуду
Чудесное их мастерство,
Да, это действительно чудо,
Я счастлив, что видел его!
Спасибо родному месткому
За этот прекрасный вояж:
Ну разве б увидел я дома
Балет замечательный наш?
Нескоро наступит тот день,
Когда их направят в Тюмень...
И в клубах табачного дыма
Все начали думать-гадать,
Как наших артистов любимых
Живьем хоть разок повидать.
Купить ли путевку в Мессину,
Чтоб встретить там Ойстраха с сыном?
Иль, скажем, в далеком Каире
Послушать Вишневскую с Гмырей?
А может, махнуть на Ямайку —
А вдруг там окажется Райкин!

— Мне кажется, ты чересчур старомоден!

Рисунок М. БИТНОГО

...жи мне свою биографию...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

— Как вы могли поручить это абстракционисту?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНАЯ ТОСКА

Пиитам, которые творили в башне из слоновой кости, приходилось туго. О чем писать-то? Разве только о себе и о башне! Во всяком случае, никаких достоверных сведений о коммунально-бытовом оборудовании башни не имеется. Пииту просто не на что было устремлять свой вдохновенный взор, кроме как на собственное «я».

Теперь с этим вопросом значительно легче. Современная башня из слоновой кости, в просторечии именуемая квартирой, заполнена всякими любопытными вещицами, из которых можно извлечь бездну рифмованных строчек.

Один из последних опытов такого *стихосложения* недавно появился на свет в виде книжки Александра Кушнера «Первое впечатление» (издательство «Советский писатель», Ленинград).

Сидит поэт у себя в квартире, и ему скучно. А скучно потому, что вокруг четыре стены, наглухо отгородившие поэта от страстей и клокотаний внешнего мира. А почему надо безвылазно сидеть в комнате — этого даже он и сам не знает. В стихотворении «Комната» поэт просто констатирует этот безрадостный факт:

Комната.
Скрипящая доска.
Четырехугольная тоска.
Круг моих скитаний в полумгле.
Огненное солнце на столе.
. . . .
Десять метров мирного житья,
Дел моих, любви моей, тревог,—
Форма городского бытия,
Вставшая дорогам поперек.

На десяти метрах, казалось бы, не разгуляешься: маловат метраж. Однако Александр Кушнер и на такой скудной поэтической жилплощади сумел-таки развернуться.

Впрочем, делается это до смешного просто. Посредством простой инвентаризации имущества.

Посмотрел поэт направо — стоит графин. Раз-два — и готово стихотворение «Графин». Взглянул налево — стоит стакан. Пожалуйста, вот вам «Стакан».

Поставь стакан на край стола
И рядом с ним постой.
Он пуст. Он сделан из стекла.
Он полон пустотой.

Приятно узнать, что в комнате *Александра Кушнера*, кроме графина и стакана, есть еще магнитофон, готовальня, репродуктор, телефон и другие полезные предметы. Все-таки дыхание современности. Техника. Стихи так и называются: «Готовальня», «Магнитофон» и т. п. Однако зрелище этих предметов почему-то вызывает у поэта лишь приступы меланхолии.

Перебрав наличный инвентарь, поэт принимается за старые записные книжки и пожелтевшие фотокарточки, роется в смутных воспоминаниях и скорбит об утраченных иллюзиях:

Чего хочу?
О чем грущу?
Не знаю.
Все что-то думаю,
Шепчу,
Припоминаю.

А припоминаются, как на грех, вещи самые что ни на есть банальные. Школьные уроки по химии и физике. Почему-то—фонтан. Отчего-то—микроскоп. Даже слово **«ерш»** припомнилось: ерш —рыба, ерш — щеточка и ерш — «убийственная смесь». Ну как не посвятить стихотворение такому занятному словечку?

Кажется, поэту самое время выйти на свежий воздух. Так нет, он еще плотнее прикрывает дверь и впадает в самосозерцание:

Душа — таинственный предмет.
И если есть душа, то все же
Она не с крылышками, нет!
Она на колбочку похожа.

Ну хорошо, пусть на колбочку. Не будем вдаваться в технические детали. Но все-таки интересно, что же в этой поэтической колбочке? Неужто одни только бесконечные коловращения кушнеровского **«я»**? Неужели на колбочку никак не воздействуют порывистые ветры жизни?

Иногда, правда, воздействуют. Но стихов, в которых чувствуется жизнь, современность, в книжке мало. Их забивают комнатные мотивы, явно противопоказанные молодому автору.

Журнал «Юность» поспешил провозгласить книгу А. Кушнера «вполне профессиональной», «философичной, выношенной и зрелой». Не преждевременны ли эти безоговорочные авансы? Молодые поэты нуждаются не в аттестатах, обрамленных золотым багетом, а в творческой помощи. И посему лучше бы было вдумчиво и серьезно разобрать стихи А. Кушнера, раз они того заслуживают.

Итак, можно считать установленным, что поэтам, укрывающимся в башне из слоновой кости, порадовать нас абсолютно нечем. Даже если эта башня со всеми удобствами, включая телефон. И не только читателя нечем порадовать, но и самих себя. Александр Кушнер, например, так напрямик и признается:

...Как мне дальше жить,—не понимаю.

А надо, Александр Семенович, понимать.

Время такое.

РЕЦЕНЗЕНТ

— Мальчик, посмотри, пожалуйста, ушла комиссия?

Рисунок С. КУЗЬМИНА

СВАДЬБА С ДРУЖИННИКАМИ

Студенческая свадьба была в разгаре.

Жениху только что намяли бока, и он, благоразумно уклоняясь от дальнейших поздравлений и чествований, тихо, без суеты ожидал невесту в подъезде. Вскоре появилась она, и они ушли в город. Такое пустяковое обстоятельство, как исчезновение молодоженов, на празднестве совсем не отразилось.

Гости, налегая на спиртное, неторопливо выясняли взаимоотношения.

— А ты, с-собственно, кто т-такой? — вопрошал один, тыча вилкой в пиджак соседа.— Медик? А к-как же ты, к-клистирная трубка, на свадьбу к геологам попал?

— Позвольте, какая свадьба! — изумлялся другой.— А мне говорили, что будто именины. Я вот и галстук в подарок купил... Товарищи, кто тут именинник, кому галстук вручить?

— Вася! Василий! — взывали с другого конца стола.— Плюнь, родной, на галстук. Бутерброды с икрой принесли. Иди, тяпнем по маленькой, после вручишь!

Гуляли до петухов. Выясняли взаимоотношения. Били посуду. Тяпали и по маленькой и по большой... О молодоженах так никто и не вспомнил.

Эпизод этот, как говорится, из жизни. Более того: эпизод, к сожалению, не единичный. Секретарь парткома Томского политехнического института тов. Колесников утверждает, что такие комсомольско-студенческие свадьбы в Томске — рядовое явление.

Здесь почему-то твердокаменно убеждены, что если за свадебный стол сядут менее ста человек, а на столе будет менее пяти ведер водки, то жениха с невестой надобно убивать общественным презрением.

И вот в погоне за желанным питейно-гостевым кворумом по студенческим общежитиям бродят женихи с видом затравленных кроликов и невесты с глазами замученных газелей.

— Бракосочетаньице у нас,— канючит жених где-нибудь в комнате у геологов.— Не желаете ли поприсутствовать?

— Почем? — хмуро осведомляются геологи, разглядывая пришельца.

— По таксе: десять рубликов с носа,— румянясь, сообщает жених.

— А ты, братец, чей? Куда приходить-то? — уточняют будущие гости, выворачивая карманы.

Отказаться нельзя: не принято! Традиция гласит: зовут — иди.

— Девочки, замуж выхожу,— молит невеста в общежитии медиков.— Придете?

— А дружинники будут?

— Обязательно! Комитет комсомола выделил...

Последнее время умудренные женихи норовят покинуть помещение сразу после первых тостов. Поэтому гости мнут бока не только женихам, но и лицам, не имеющим к свадьбе никакого отношения.

Пятикурсники политехнического института Разважаев, Титушкин, Мануйлов, возвращаясь в подпитии с очередного семейного торжества, нанесли в третьем часу ночи визит студентам индустриального техникума. Праздничные дозы спиртного оказались настолько велики, что потребовалось вмешательство милиции и услуги вытрезвителя.

— А что делать? — развел руками секретарь институтского комитета комсомола Владимир Грошев.— Меньше пол-литра на человека на стол не поставишь. Традиция! Ну и... не каждый выдерживает. А вообще мы эти свадьбы, конечно, попридерживаем. Без моей подписи и печати помещение под пир не сдадут.

В этот момент в комнату вошла студентка.

— Печать на свадьбу здесь ставят?

— Где гулять будете? — деловито спросил Грошев.

— В столовой ГРЭС-2,— ответила девушка.

— По скольку складываетесь?

— Известно, по таксе.

— Ну, с богом! — благословил секретарь, вытаскивая из стола «попридерживающую» печать.— С середины марта у нас в Томске свадебная страда начинается,— пояснил он мне.— Не менее ста свадеб только по нашему институту. Не считая нерегистрируемого самотека. Поголовный, так сказать, охват — от первого до последнего курса.

— Пресса нас подводит,— огорчается заведующая отделом науки и школ обкома партии Екатерина Михайловна Соколова.— Мы не советуем, а молодежь на «Комсомольскую правду» ссылается: газета, мол, «за».

Мы тоже — «за»! За веселую студенческую свадьбу. С шутками и шампанским, цветами и теплым напутствием — словом, за молодежную комсомольскую свадьбу в кругу друзей. Что же касается «традиционных» томских свадеб с денежными поборами и воплями «Караул!», с битьем посуды и ломанием мебели, с купеческими замашками многопитейного застолья, хвастовством набранного для показухи «кворума» и «поголовным охватом» от первого до последнего курса — такие свадьбы действительно пора пресечь. И, учитывая пожелания самих студентов, оградить их от систематических попоек под лозунгом «традиционных» комсомольских мероприятий. А заодно — от вынужденных визитов в милицию и ночевок в городских вытрезвителях.

Г. СОМОВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Томск.

Деньги на ветер

«ПОД ЗОРКИМ ГЛАЗОМ»

Зоркий глаз все видит. От него ничего не утаишь, ничего не скроешь. На то он и зоркий.

Поэтому сейчас, когда органы партийно - государственного контроля проводят массовую проверку хранения и вывоза грузов, газета «Гудок» взяла «зоркий глаз» на свое вооружение. В его поле зрения тотчас же попало множество лиц и учреждений, из-за беспечности которых народные деньги усиленно летят на ветер.

«Под зорким глазом» (так, кстати, называется рубрика в газете) очутились и свердловчане, и львовцы, и одесситы, и воронежцы... Внимание «зоркого глаза» справедливо привлекли «огромные суммы штрафов, выплаченные за излишние простои вагонов и хранение грузов сверх положенных сроков».

Мы целиком и полностью согласны с «Гудком»: разумеется, штрафы — это плохо. До того согласны, что даже обратились к редактору «Гудка» тов. Красникову с вопросом:

— Можно ли на сорок тысяч рублей построить склад?

— На какие сорок тысяч? — удивился тов. Красников.— Какой склад?

— На те сорок тысяч рублей, которые уплачены вашим издательством в виде штрафов за простои вагонов и несвоевременную вывозку бумаги со складов,— пояснили мы.— И построить тот самый склад, из-за отсутствия которого бумага мокнет, портится и превращается под открытым небом в макулатуру.

— Впервые слышу! — еще раз удивился тов. Красников.—Чуть не полмиллиона в старых деньгах — коту под хвост! Ай как нехорошо!

Мы опять-таки согласны: нехорошо. Нехорошо, когда «зоркий» на чужие недостатки глаз не видит своих. Ведь от кабинета тов. Красникова до кабинета начальника издательства «Гудок» тов. Герасимова, который безмятежно подписывает чеки на уплату штрафов, не более десятка шагов. Увидеть на таком расстоянии, как летят на ветер государственные деньги, можно даже и без помощи «зоркого глаза».

Работу органов партийно-государственного контроля на железных дорогах широко освещают и другие центральные газеты. В том числе и те, издательства которых тоже выплачивают немалую толику штрафов за простои вагонов с газетной бумагой, за несвоевременную вывозку бумаги со складов. Если сплюсовать штрафы нескольких столичных издательств, то получится такая сумма, которой не только хватит на постройку роскошного склада, но еще и останется на монумент в честь борьбы за экономию государственных средств.

Яков КОСТЮКОВСКИЙ

НАША БЛАГОДРНСТ...

Мы справляем новоселье,
В новом доме мы живем.
Приглашаем на веселье
  е   т   и   о
Вс х, к о с ро л это д м.
               т   т
(Буквы здесь в строке танцуют,
Это плохо, спору нет,
Но и в доме зачастую
Так танцует весь паркет.)

Веселее дома нету,
Вам, строители, хвала!
Море? воздуха! и, света,
Море: газа... и; тепла,.!?.
(Как попало, поскорее
Знаки здесь поставил я,
Но и вы нам батареи
Так поставили, друзья.)

Ванна есть у нас впервые,
Есть горячая вода.
Ваши руки золотые
Не .абудем .икогда.
(Эта строчка вышла странной,
Буквы выпали опять,
Но и плитки в нашей ванной
Начинают выпадать.)

Хорошо у нас в квартире —
И раздолье и размах.
О квартире лучшей в мире
Х   п   т
 о   и   с и
  ч   я   с   в   х
    е с   а ь   а
      т   т   х.
(Это, может, и негоже,
Что стихи с кривой строкой,
Но в квартире нашей тоже
Пол не менее кривой.)

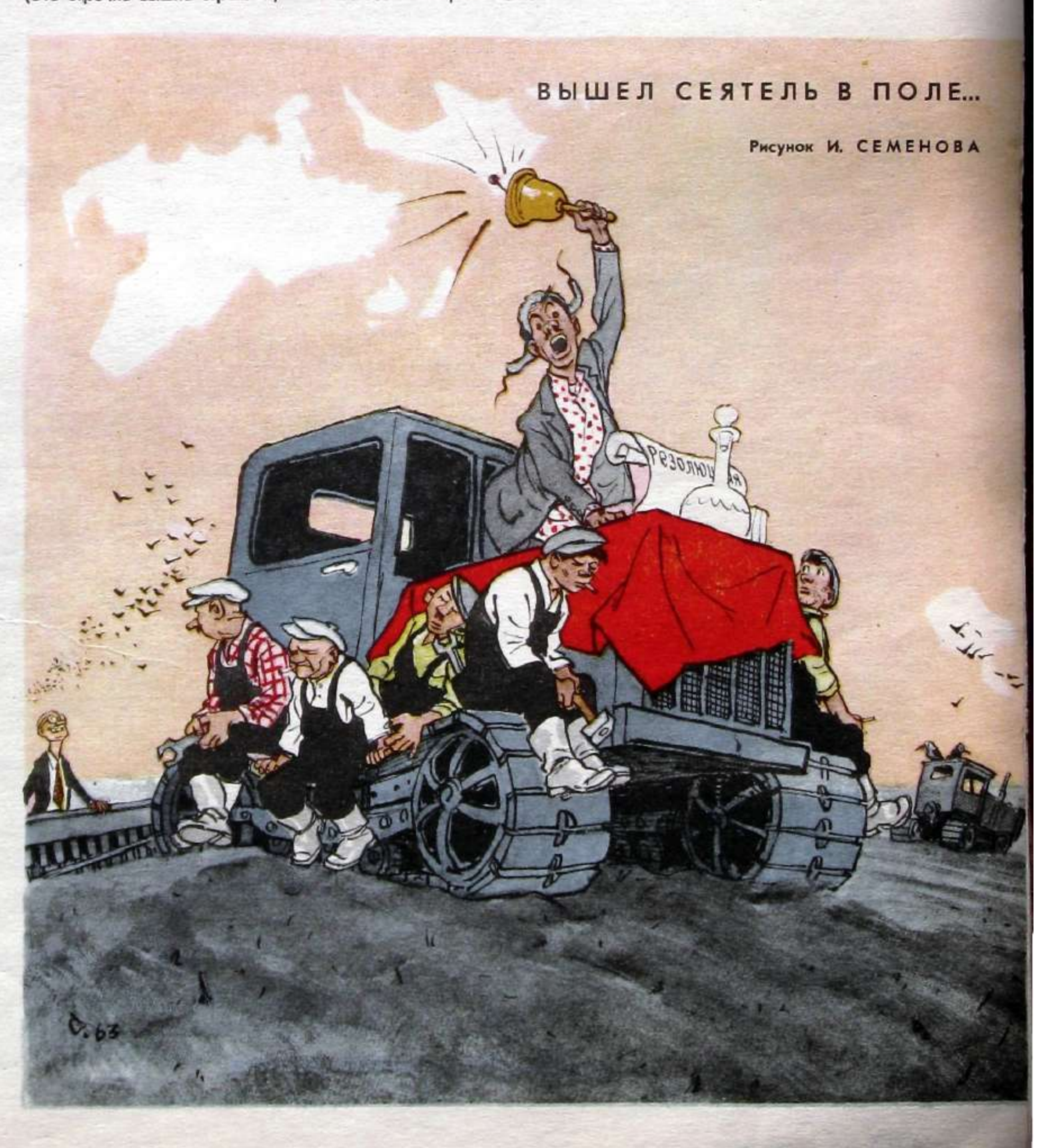
Сквозь оконные проемы
К нам в квартиру льется свет.
От жильцов родного дома
Шлем стекольщкм првет!
(Здесь вам гласных букв не
                                   хватит,
А без них строка не та.
Но и в окнах наших, кстати,
Стекол тоже не хвата...)
Потрудились без ошибок
Удалые мастера,
Вам, товарищи, спасибо!
Вам, товарищи, ура!
(Эта строчка перед вами
Так не зря помещена:
Так обои вверх ногами
Вы нам клеили спьяна.)

Каждый день обозреваем
Мы квартиру сверху вниз,
Каждый день мы открываем
!зирпрюс ьдубин-йокак ьтоХ
(Метранпаж одну из строчек
Вставил здесь наоборот,
Но и вы вставляли, впрочем,
Рамы задом .наперед.)

Мы справляем новоселье,
В новом доме мы живем.
Приглашаем на веселье
Всех, кто строил этот дом!

ВЫШЕЛ СЕЯТЕЛЬ В ПОЛЕ...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Бумажная подкормка

РЕПОРТАЖ

В редакцию пришло письмо из села Федосова, Шацкого района, Рязанской области. «В нашей артели скот страдает от бескормицы, попросту голодает,— писали колхозники,— правление ничего не делает, чтобы сохранить животных. Приезжай, Крокодил, разберись...»

НА СОЛОМЕННОМ РАЦИОНЕ

...Наше знакомство с Федосовским колхозом началось на Новодеревенском спиртзаводе, куда мы завернули по пути, чтобы пересесть с автомашины на сани. К спиртзаводу со всех сторон тянулись обозы с бочками.

— За выпивкой для коров едут,— пошутил директор завода Ермолай Никифорович Сероухов.— Зима нынче суровая, как мачеха! Кормов-то в шацких колхозах небогато, вот они у нас и прихватывают барду...

— А есть ли тут федосовские? — поинтересовались мы.

— Что-то не видать,— ответил Сероухов.

— А что, там буренки непьющие?

— Очень даже пьющие. И с кормами у них чуть ли не хуже, чем у других. А вот поди ж ты... Впрочем, поезжайте, сами посмотрите.

Прибыв в Федосово, мы попросили председателя колхоза Васяткина познакомить нас с рогатым поголовьем артели.

— Это можно! — бодро откликнулся Васяткин.— Вот сейчас школьники пробьют лаз в коровник — и пожалуйста!

Десяток школьниц лопатами расчищали проход в заметенный снегом скотный двор. Ими командовал плотный мужчина в теплом полупальто.

— Бывший председатель колхоза Якушин,— представил Васяткин мужчину в полупальто.— А теперь по старой специальности трудится — учительствует.

Нырнув в лаз, мы очутились в коровнике. Первое, что мы заметили,— помещение прекрасно вентилировалось. Ветер свистел сквозь разбитые стекла, дырявую крышу и щели в стенах. От жары буренки тоже не страдали: температура внутри держалась на уровне среднеобластной — минус 22 градуса по Цельсию. Не оценивая этих явных преимуществ, коровы имели грустный вид (средний снимок).

— Беспривязное содержание скота внедрили,— довольным тоном пояснил Васяткин.

Содержание было не только беспривязным, но и бескормным. Меню коров состояло из одной только соломы в ее первозданном виде, без примесей. Ее даже не запаривали.

Учитель Якушин правил колхозом восемь лет, Васяткин — по образованию механизатор — председательствует пятый месяц. И у того и у другого подготовка вполне достаточная для того, чтобы понять целесообразность завоза с завода барды или запарки соломы.

— Барду возить? — изумился Васяткин.— Да наши коровенки выносливые, небось, до весны и на соломе дотянут!

— И запаривать не к чему. Они солому и так хватают, незапаренную,— подхватил Якушин.— Как увидят охапку, прямо из рук так и рвут!

ГОРЯЧИЕ ДЕБАТЫ О ХОЛОДНЫХ СВИНАРНИКАХ

В парткоме Шацкого производственного управления шло собрание районного актива. С трибуны гремели лозунги:

— Поднять надои молока!

— Увеличить производство молока и мяса!

— Сохранить поголовье скота!

Очень правильные лозунги. Ораторы подкрепляли их конкретными фактами. Они говорили, что в колхозах района падает скот от бескормицы. Пять колхозов с начала года не сдали ни грамма мяса. Особенно сурово критиковали колхоз «Путь к победе», Ямбирновского сельсовета, и председателя колхоза Пищикова, который уехал отдыхать в теплые края, ничуть не беспокоясь о скоте, замерзающем на «свежем воздухе».

Самокритичные товарищи в Шацком районе, ничего не скажешь! — восхищались мы. Но оказалось, восхищались зря, критика исходила не от шатчан, а от их соседей, работников сельского хозяйства Сасовского района: на совещании подводились итоги проверки одного района другим.

С ответным словом выступил начальник Шацкого производственного управления тов. Курсенко (снимок справа).

Он отнюдь не отрекался от критики. Наоборот.

— За тех свиней, которые пали,— сказал тов. Курсенко,— мы могли бы приобрести сорок самоходных комбайнов. А за коров, которых уже нет в живых,— сорок три гусеничных трактора!

Очень хорошо подсчитал тов. Курсенко. Жаль только, что его сведения носили чисто теоретический характер и никакой реальной пользы принести не могли. Видимо, поэтому кое-кто в зале сладко задремал (снимок слева).

Гуманным и миролюбивым было выступление руководителя сасовской делегации тов. Скоблина. Он дал понять шатчанам, что их дела не так уж плохи и вешать нос на квинту нет оснований. У нас, мол, сасовцев, тоже не лучше: вы сорвали план по молоку, а мы — по мясу.

— А поэтому,— горячо провозгласил Скоблин,— давайте друг друга проверять и критиковать! Таким путем мы и добьемся успехов!

Нас заинтересовало, действительно ли взаимопроверка явится тем рычагом, который сдвинет с места шацкие колхозы. И мы отправились в колхоз «Путь к победе», нещадно раскритикованный на совещании. Мы выбрали этот колхоз потому, что проверку здесь осуществлял сам тов. Скоблин, и не один, а вместе с работником Рязанского обкома партии тов. Буханько.

И здесь мы увидели коровенок, гнущихся «в дугу» от холода и голода, зияющие дыры в коровниках и свинарниках. И никто не собирался эти недостатки устранять.

— А чего тут устранять? — недоуменно развел руками заместитель председателя Бурдыгин.— Солнышко пригреет — и все станет на место, все будет в ажуре! И вообще нам некогда разговаривать! Надо спешить сасовцев проверять.

И Бурдыгин, кивнув нам на прощание, вместе с прочими руководителями колхоза уехал проверять работу своих соседей. Тут уж не до своих промахов, когда надо чужие болячки вскрывать.

КАКОВА ДИРЕКТИВА НА ВКУС?

«Массовое мероприятие» закончилось, и Шацкое производственное управление зажило обычной, будничной жизнью. За дверями с табличкой «Главный инженер-строитель» молодая особа с пристрастием допрашивает телефонную трубку:

— Колхоз, а колхоз, молокозавод у вас есть? А школа? А может, и баня есть? И крупорушка тоже?

За соседним столом другая сотрудница задает невидимому собеседнику вопросы по иной отрасли:

— Сколько надоили? Дайте прибавку. Силоса в наличии? Дайте расход... До одиннадцати утра принимаю сведения из колхозов,— пояснила она, оторвавшись от трубки.— Нужно заполнить 27 граф, приготовить семь экземпляров сводки и раздать начальству. Как не нужно? Конечно, нужно! Начальство глянет в сводку — и весь район у него как на ладони...

В приемной начальника управления технические секретари колдуют у ротатора. На столе — пачка уже отпечатанных директив. Все они начинаются так:

«Председателю колхоза тов. . . . . .
Секретарю парторганизации тов. . . . . .».

«В целях своевременного завершения подготовки к весеннему севу...» или: «В целях повышения производительности труда...»

А вот особенно заинтересовавшая нас директива: «В целях недопущения падежа скота в колхозах и совхозах управления, а также улучшения воспроизводства стада... установить в свинарниках калориферные печи... Организовать выращивание зеленых кормов гидропонным методом для витаминно-минеральной подкормки поросят и цыплят... Широко применять ультрафиолетовое облучение... При входе в животноводческие помещения установить дезинфекторы для обуви...»

Вот это размах! Вот это полет мысли!

Но как совместить гидропонный метод с незапаренной соломой, а дезинфекторы для обуви — с дырами в коровниках и свинарниках?

А что, если дать эту директиву коровам и свинушкам? В запаренном виде? Может, мудрые научные термины заменят скоту барду и силос, и он перестанет дохнуть?

Может быть...

А. ГОЛУБ, Г. ДУБИНСКИЙ,
специальные корреспонденты Крокодила

Рязанская область.

Ашот ПАЛАНДЖЯН

Сладкий яд

Это была миловидная девушка. Шла по тротуару быстро-быстро и часто останавливалась у магазинов. В зеркале витрин отражалось ее улыбающееся лицо и обвораживало прохожих. Она, по-видимому, что-то искала, хотела купить какую-то необходимую ей вещь.

У городского парка она вдруг остановилась, повернулась ко мне и сердито спросила:

— Почему вы ходите за мной?

— Наоборот, вы все время идете впереди меня.

Ответ был неожиданным. Она улыбнулась, потом сказала:

— Какой вы смешной!

— А вы... какая милая!

— Хотела вас обругать, рассердиться и не могу.

— Почему не можете?

— Потому... потому что вы кажетесь оригинальным человеком.

— То есть?

— Вместо того, чтобы смутиться, попросить извинения, вы возразили мне.

— Будем друзьями.

Она секунду помолчала, потом сказала:

— Хорошо, я согласна. Только с одним условием: чтобы наше знакомство, или, как вы говорите, дружба, не выходило за пределы товарищеских отношений.

— Прекрасно!

Я взглянул на нее, улыбнулся ее светлым глазам, а она вынула из букета, который держала в своей маленькой руке, розу, вручила мне и удалилась.

Плененный ее девической нежностью, я забыл даже спросить, когда и где мы встретимся.

Она, эта очаровательная девушка, исчезла, как сон, растаяла в толпе, как легкое облако, а я стоял на тротуаре, одинокий и беспомощный, с красной розой в руке...

Долго я хранил ее подарок во внутреннем кармане пиджака, прямо у сердца.

Но однажды я опять увидел эту девушку.

Она высунулась из окошка сберкассы и с бешеной злобой кричала на какую-то старую женщину:

— Что ты мне надоедаешь, у меня нет времени проверять твои облигации! Уходи!

— Доченька, я не смогу проверить сама,— отвечала старуха.— Объясни мне...

— Не приставай, не могу!

— Как же мне быть?

— Это меня не касается!

И захлопнула окошечко.

Я стоял и думал: неужто это та девушка, по которой я так тосковал и, что ни день, мечтал увидеть ее снова? Неужто это она? То пленяет своим обаянием людей, то превращается в некое чудовище, в брызжущую ядом змею...

Я тихонько постучал в окно. Раскрыв створку, она на миг зло посмотрела на меня, но, узнав, сразу изменилась, мягко улыбнулась и сказала любезным тоном:

— А-а, здравствуйте! Чем могу служить?

Я равнодушно взглянул на миловидное личико и ответил:

— Подаренная вами роза увяла, потеряла свой аромат. Мне она больше не нужна, возьмите обратно!

Бросил высохший цветок через окошко, захлопнул створку и ушел.

...А жаль, хорошая была девушка!

Перевел с армянского
К. КАЛАНТАР.

Первые дни на складе...

... и спустя некоторое время.

Рисунок Е. ГУРОВА

ОТ ГОЛОВЫ ДО ХВОСТА...

— Крокодил нильский! Водится в Африке! — объявил служитель одного зверинца.— От головы до хвоста — семь метров. От хвоста до головы — пять метров!

— Стоп! — воскликнет просвещенный читатель.— Не пристало Крокодилу рассказывать древнеегипетские анекдоты, да еще о своем собрате.

Согласны: не пристало. Не будем. Пусть их рассказывают другие. Итак.

— От Москвы до Дорохова — 87 километров. От Дорохова до Москвы — 98.

Как и посетители зверинца, вы скажете, что такого не бывает.

Еще как бывает! Слушайте.

— Высокое расположено в 90 километрах от Москвы, а Москва от Высокого — в 88.

— Игуменка — Москва — 147; Москва — Игуменка — 132.

— Плесково — Москва — 70; Москва — Плесково — 43.

— Заключье — Москва — 360; Москва — Заключье — 300 километров.

Пожалуй, хватит. Остается выяснить один вопрос: кто же распространяет эти анекдоты? Не Крокодил. И не экскурсовод какого-нибудь зверинца.

Авторы этих анекдотов — либо Л. Айрапетов, либо И. Саркисов. Первый написал книжку «Здравницы Подмосковья», изданную в 1958 году. Второй — автор брошюры «Отдыхайте в Подмосковье», выпущенной в 1962 году.

Вы спросите: зачем уважаемым авторам понадобилось развлекать читателя такими анекдотами? Точно не знаем. Можем догадываться. Видимо, только для того, чтобы одна книжка хоть чем-то отличалась от другой. И та и другая популярно повествуют о домах отдыха и санаториях Подмосковья. Одинаково живописуют городошные площадки и лодочные станции. Одинаково красиво излагают вопрос о разнообразии местной флоры и фауны. Теми же словами.

Кто же из авторов заслужил пальму первенства в сочинении оригинальных шуток относительно удаленности подмосковных здравниц от столицы, пусть решит издательство «Московский рабочий». Ведь оно так любезно предоставило для них и бумагу, и типографские услуги, и даже редакторов (в первом случае это А. Янчук, во втором — Ф. Александров).

Так сколько же, граждане, от головы до хвоста?

А. С.

Врачи с интересом выслушали докладчика.

Рисунок Б. САВКОВА

НЕ ПОНИМАЕШЬ—НЕ ПИШИ

Едва появилась в газете «Советская культура» (№ 41, за 4 апреля с. г.) статья «Не умеешь — не берись!», уничтожающая спектакль Московского Театра сатиры «Гурий Львович Синичкин», как в редакции Крокодила зазвонили телефоны. Читатели — а среди них были, видимо, и авторы будущих сатирических пьес — спрашивали: «Неужели «Гурий Львович» и вправду уничтожен?», «Неужели и сатира, как видно из статьи, должна прекратить свое существование?»

Не имея возможности ответить на все телефонные звонки и письма, Крокодил вынужден выступить публично.

Не волнуйтесь, товарищи. И не делайте поспешных выводов из малокомпетентной статьи. Ну, бывает же так, что критик пускается в рассуждения, не имея достаточного теоретического багажа. И случается же, что редакция, доверившись критику, публикует статью, из которой следует, что дважды два — это четыре с половиной.

Прежде всего о самом «Гурии Львовиче Синичкине».

Автор статьи И. Флоринский, не разобравшись ни в пьесе, ни в спектакле — с кем не бывает! — патетически восклицает: «Как могла прийти в голову драматургам и руководителям театра нелепая затея перенести сюжетные ситуации и перипетии конфликта водевиля первой половины века XIX во вторую половину века XX, из России дворянско-помещичьей в Союз Советских Социалистических Республик!»

Сказано более чем крепко! Если верить велеречивому критику, авторов пьесы и спектакля надобно предать остракизму.

Надобно бы, если бы не пояснения самого И. Флоринского, который пишет, что Синичкину старому «противостояли... равнодушие коммерсанта-антрепренера, сластолюбие сиятельных поклонников, смотрящих на женскую половину труппы, как на свой гарем...».

И вот тут непонятно: а где же в пьесе «Гурий Львович Синичкин» коммерсанты? Где сластолюбие сиятельных поклонников? Где гарем?

Ведь ничего этого в пьесе четырех авторов нет. Они использовали только основную канву «Льва Гурыча». Кстати, автор «Льва Гурыча» Д. Ленский сам воспользовался канвой французского водевиля «Отец дебютантки». Это, конечно, И. Флоринскому неизвестно, потому что «Льва Гурыча», достаточно откомментированного литературоведами, он не читал. Простим ему эту гимназическую оплошность.

Простим, но все-таки напомним, что в водевиле Вл. Дыховичного, М. Слободского, Вл. Масса и М. Червинского совсем другое содержание и совсем иной конфликт.

Но дело не только в сюжете и конфликте. Гневный и темпераментный критик яростно ополчается против самого текста «Гурия Львовича», обильно цитирует пьесу. При этом он говорит читателю: вот, мол, какую чушь пишут ее авторы.

И не подозревает И. Флоринский, что цитирует он... пародии, которые вмонтированы в пьесу. Но поскольку чувством юмора И. Флоринский не обладает, то пародии — литературные, театральные — он воспринимает на сто процентов всерьез.

Впрочем, несколько позже критик догадался, что пьеса пародийная. И, негодуя и возмущаясь, он пишет: «Дела и нравы театральной среды раскрываются в картине «Репетиция». Это злая пародия на театр, на репертуар, на художественное руководство, на работников театра...»

Сказано верно, хотя и неполно. Надо было добавить: пародия на **плохой** репертуар, на **плохих** художественных руководителей, на **плохих** работников театра.

И тут мы должны отвлечься от спектакля и пьесы, чтобы поговорить о сатире вообще. Ибо критик отказывает сатире в праве вмешиваться в сферу искусства.

Если судить по рецензии, напечатанной в «Советской культуре», то у нас нет ни халтурщиков-ремесленников типа драматурга Борзикова, ни режиссеров Пустословцевых, увлекающихся формализмом, лженоваторством и театральными постановками на западный манер, ни бездумных архитекторов-конъюнктурщиков. А ведь они есть, как свидетельствуют факты последнего времени. Эти отрицательные явления в искусстве и высмеивает «Синичкин».

Осуждая сатиру, И. Флоринский ставит ей в вину как раз то, чем она полезна и нужна обществу,— обличение пороков и недостатков, высмеивание пережитков прошлого в сознании людей.

Не гневайтесь, читатели, на критика: он не читал книжек о сатире, он не понимает ее специфики. Ему неясно, в чем отличие драмы от водевиля, трагедии от комедии. Ему очень хотелось бы, чтобы во время каждого комедийного спектакля на сцену выходили только хорошие, умные архитекторы, режиссеры, писатели. Ошибок ни у кого нет. Никто не отклоняется от социалистического реализма. Все придерживаются верных взглядов. И ежеминутно читают газету «Советская культура», редактируемую Д. Г. Большовым.

При таком решении драматург «не вступит в противоречие с правдой жизни».

Читая «Советскую культуру», невольно слышишь голос Победоносикова из «Бани» В. Маяковского. Помните, как он говорил с режиссером: «Сгущено все это, в жизни так не бывает... Ну, скажем, этот Победоносиков. Неудобно всетаки... Изображен, судя по всему, ответственный товарищ, и как-то его выставили в таком свете и назвали еще как-то «главначпупс». Не бывает у нас таких, ненатурально, нежизненно, непохоже! Это надо переделать, смягчить, опоэтизировать, округлить...»

Так говорил Победоносиков — бюрократ в искусстве. Но зачем же посягать на его лавры современному театральному критику?

Известны многие случаи, когда люди, не понимавшие целебного воздействия смеха, выступали против сатиры. Кампанейщики уходили в небытие, а сатира продолжала жить. И делала свое полезное дело. Делает и сейчас!

Мы отнюдь не хотим сказать, что пьеса и спектакль «Гурий Львович Синичкин» избавлены от недостатков. Вероятно, они есть. Критиковать их можно очень сильно, но при одном условии: если судить о сатире, понимая ее благородные задачи, ее особенности, а не становиться в позу Победоносикова.

КРОКОДИЛ

P. S. Оказывается, и «P. S.» нужен. В статье И. Флоринского он тоже есть. Автор рецензии, истерически заламывая руки, пишет, что над «театрами страны» «нависла угроза»: Всесоюзное управление по охране авторских прав опубликовало водевиль отдельным изданием и рекомендует его к постановке в своем информационном списке.

Пожалуй, не стоит говорить о том, что И. Флоринский очень странного мнения о руководителях «театров страны», которые, якобы ни в чем не разбираясь, принимают к постановке любую вещь, появившуюся в «информационном списке». Но о другом сказать обязательно следует. В постскриптуме критик пишет, что «нельзя без возмущения читать напечатанную в списке аннотацию». И приводит ее «с некоторыми сокращениями». Сокращения, однако, касаются только одного и самого существенного абзаца, где говорится о смысле произведения: «Тема пьесы — благородная любовь к театру и настоящему искусству, которое служит народу, и сатирическое высмеивание халтуры, ремесленничества, приспособленчества — словом, всего того, что еще порой мешает нашему искусству выполнять свою высокую миссию».

Вот что «сокращают» некоторые критики и некоторые редакторы, коим сатирический жанр приходится не по душе.

СВИНКИ И ПАСЫНКИ

Хорошие, заботливые руководители в совхозе «Азовский», Ростовской области. Очень любят они животноводство... Правда, нужно внести в эту лестную характеристику маленькое уточнение. Заботились руководители совхоза отнюдь не о государственном скоте, а о своем собственном. Не покладая рук трудились совхозные специалисты... в личных хозяйствах. И потому их коровки доились сливками, а курочки несли золотые яички. А колхозные буренки и несушки? Что там говорить, сами понимаете!..

Фельетон «Свинки и пасынки» (Крокодил № 1) обсуждался партийным комитетом Азовского производственного управления и признан правильным. «За слабую требовательность к главным специалистам, неудовлетворительное руководство совхозом и непринятие должных мер к устранению раздутых личных хозяйств директору совхоза Н. Г. Зайцеву объявлен выговор с занесением в учетную карточку». Партийные взыскания получили также председатель поселкового Совета Белецкий, главный ветврач Зверев, главный зоотехник Красный и другие.

Что насается раздувания личных хозяйств, то за это руководители совхоза понесли действительно правильное и строгое наказание. Но как реагировало бюро на то, что «за 1962 год в совхозе пало крупного рогатого скота 158 голов, свиней — 3 122 головы, птицы — 53 787 голов (на сумму 53 039 рублей)», Крокодилу из присланного ответа совсем не ясно.

Впрочем, это уже дело не только партийных организаций, но, как нам кажется, и органов ростовской прокуратуры!

ЗАРАПОРТОВАЛСЯ...

Вилы в бок получил от Крокодила в первом номере журнала директор Нагорновского совхоза, Красноярского края, А. И. Теплов.

И было за что!

Умел директор втирать очки вышестоящему начальству. Первым, бывало, рапортовал: «Свекла убрана полностью!» А потом подавал команду по отделениям: «Свеклу... запахать».

И запахивали!

Бюро Красноярского сельского крайкома КПСС обсудило заметку «Зарапортовался...» и приняло решение: «За допущенную бесхозяйственность и большие убытки по результатам работы Нагорновского совхоза в 1962 году Теплова А. И. с поста директора снять».

И правильно!

ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК

Крокодил вынужден вновь вернуться к фельетону «Терем-теремок» (№ 35, 1962 г.).

В нем шла речь о том, что исполком Морского районного Совета г. Таллина, приняв решение устроить в конфискованном у тунеядца доме (ул. Куллесе, 16) детский сад, впоследствии изменил это решение: передал дом в жилой фонд и вселил в него семью тов. Пусэпа. Под детский сад был отведен другой, тоже конфискованный дом по улице Варсаалики, 47, но детсада в этом доме так и не открыли.

Президиум ЦК КП Эстонии признал решение исполкома о передаче дома по ул. Куллесе, 16, в жилой фонд правильным, так как под детский сад выделен дом «с большей площадью, позволяющий при меньших затратах разместить в нем круглосуточный детский сад на 45 детей». В постановлении ЦК КП Эстонии также говорилось: «Выполняя решение Совета Министров Эстонской ССР об освобождении от жильцов флигеля при Художественном музее, где до того проживал тов. Пусэп, исполком Таллинского городского Совета предложил ему переселиться в дом № 16, по ул. Куллесе. Товарищ Пусэп дал на это свое согласие и, получив ордер, переехал».

Согласно сроку, установленному ЦК КП Эстонии, Таллинский горисполком должен был закончить переоборудование дома и открыть круглосуточный детский сад к 5 апреля.

И вот телеграмма, датированная 9 апреля:

«Перестройка жилого дома под детский сад на сорок мест, по адресу улица Варсаалика, 47, по внутренним работам будет закончена к концу апреля без водопровода. Ибо в этой части города водопровод еще не построен. Обеспечение водой будем решать пока временными мерами. Председатель Таллинского горисполкома Ундуск».

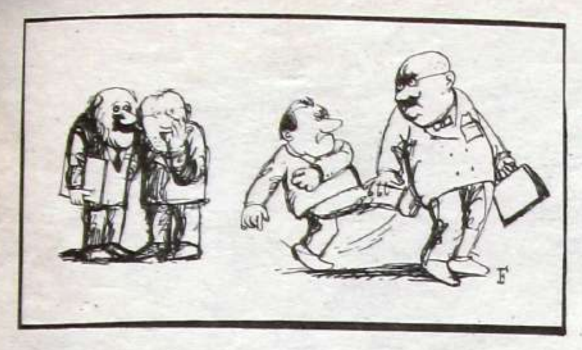
Телеграмма малообнадеживающая. Прежде всего из текста выпало слово «круглосуточный», а заодно и пятеро детей (40 вместо 45). И вместо четкого и определенного «пятое апреля» — расплывчатое «конец апреля».

ЦК КП Эстонии уже отмечал, что Таллинский горсовет «в течение полутора лет не обеспечил выполнение своих решений о создании детсада». К полутора годам было прибавлено еще два месяца. Но и этого оказалось мало. Теперь мы абсолютно не убеждены, будет ли соблюден новый, намеченный самим тов. Ундуском срок и не перенесет ли он опять открытие детсада на более позднее время, ссылаясь на то, что осуществление «временных мер» временно откладывается.

Поистине, долготерпению эстонских товарищей нет конца!

ВЫСТАВКА КАРИКАТУРЫ польского журнала «ШПИЛЬКИ»

5 апреля в залах московского Дома Дружбы с народами зарубежных стран открылась выставка бытовой карикатуры польского сатирического еженедельника «Шпильки». На выставке экспонируется около двухсот работ польских мастеров карикатуры.

— Ого, Ковальский уже пронюхал, что директор не любит подхалимов!

Рисунок Е. ФЛИСАКА

МЕТОДЫ ЗАЖИМА КРИТИКИ

Устаревший.

Модернизированный.

Рисунок З. КЮЛИНА

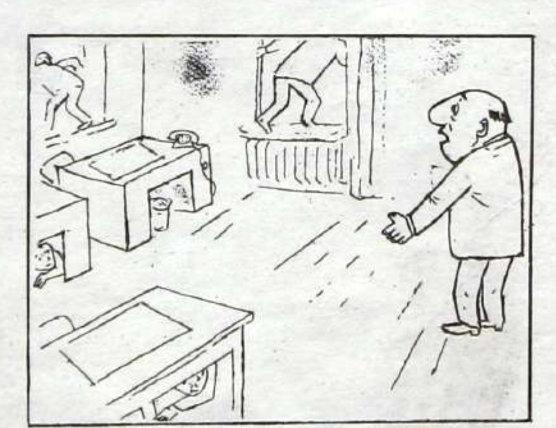
— Пожар?
— Нет, собрание. Сейчас кто-то вылетит за критику.

Рисунок Э. ЛИПИНСКОГО

— На коленях вас умоляю, пан директор, сделайте это для меня!

Рисунок Ю. ПУХАЛЬСКОГО

— Что вы, товарищи, я только сказал, что надо принять какое-то решение!

Рисунок Е. ЗАРУБЫ

ПЕРВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ДЕНЬ

— Ну как, многому там научилась?
— Не очень. Наверное, придется пойти еще раз.

Рисунок Ю. ПУХАЛЬСКОГО

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 05509. Изд. № 211. Подписано к печати 9/IV 1963 г. Формат бум. 70×108 1/8. Тираж 1 700 000 экз. Заказ 897. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Правительство Аденауэра по указке США с готовностью запретило экспорт труб в Советский Союз.

ПЕРВАЯ ТРУБА
В ВАШИНГТОНСКОМ ОРКЕСТРЕ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Цена номера 12 коп.

Индекс 70436